

...И я покажу тебе нечто отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать
тебе руку:
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.

Т. С. Элиот. Бесплодная земля
Перевод А. Сергеева

1. DU CÔTÉ DE CHEZ BEAVER¹

— А жертвы были?

— Слава богу, нет, — сказала миссис Бивер, — вот только две горничные сдуру выбросились через стеклянную крышу во внутренний двор. Им ничего не угрожало. До спален пожар так и не добрался, вот жалость-то. Но без ремонта им не обойтись: все в копоти и насквозь промокло — у них, к счастью, оказался старомодный огнетушитель, а он портит буквально все. Так что грех жаловаться. Главные комнаты выгорели *домла*, и все было застраховано. Сильвия Ньюпорт их знает. Надо добраться до них с утра пораньше, не то их перехватит эта стервоза миссис Шаттер.

Миссис Бивер, грея спину у камина, поглощала ежеутреннюю порцию простокваши. Она держала картонный стаканчик под самым подбородком и хлебала простоквашу ложкой.

— Господи, ну и гадость. Почему бы тебе, Джон, не приохотиться к ней? У тебя последнее время такой усталый вид. Я бы просто не продержалась без простокваши.

¹ «По направлению к Биверу» (*фр.*) — перифраз названия романа М. Пруста «По направлению к Свану». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

- Но, мамчик, я ведь не так занят, как ты.
- Что правда, то правда, сын мой.

Джон Бивер жил с матерью в доме на Суссекс-гарденз, куда они переехали после смерти отца. Обстановка дома не имела ничего общего с сурово элегантными интерьерами, которые миссис Бивер сооружала для своих клиентов. Сюда составили мебель из двух ббльших по размеру домов, которую не удалось сбыть; мебель эта не претендовала на принадлежность ни к одному определенному стилю и менее всего — к нынешнему. Предметы получше, а также те, что были дороги миссис Бивер как память, стояли в Г-образной гостиной наверху.

Биверу была отведена темноватая тесная гостиная (на первом этаже, за столовой) и отдельный телефон. Пожилая горничная приглядывала за его гардеробом. Она же вытирала пыль, начищала, аккуратно и симметрично расставляла на письменном столе и комоде коллекцию мрачных и громоздких предметов, помещавшихся прежде в туалетной комнате его отца: не знающие сносу подарки к свадьбе и совершеннолетию, одетые в слоновую кость и бронзу, обтянутые свиной кожей, украшенные гербами и оправленные в золото доспехи дорогостоящей мужественности эдвардианских времен — фляги для бегов и фляги для охоты, портсигары, банки для табака, высокие сапоги, замысловатые пенковые трубки, крючки для пуговиц и щетки для шляп.

В доме было четверо слуг, все женщины, и все, за исключением одной, пожилые.

Бивер, когда его спрашивали, почему он живет с матерью, а не поселится отдельно, иногда отвечал, что матери так лучше (несмотря на занятость, ей было бы тоскливо одной), а иногда, что экономит на этом по меньшей мере фунтов пять в неделю.

Так как его недельный доход равнялся шести фунтам, экономия, что и говорить, существенная.

Ему шел двадцать шестой год. По окончании Оксфорда он, пока не начался кризис, работал в рекламном агентстве. С тех пор никому так и не удалось подыскать ему место. Итак, он вставал поздно и чуть не весь день просиживал у телефона в ожидании звонка.

Если дела позволяли, миссис Бивер попозже отлучалась на час из лавки. Она пунктуальнейшим образом являлась туда к девяти и уже к половине двенадцатого нуждалась в отдыхе. Так что, если не ожидался важный покупатель, она садилась в свой двухместный автомобиль и ехала в Суссекс-гарденз. Бивер обычно успевал одеться, и ей со временем стал просто необходим их утренний обмен сплетнями.

— Как провел вечер?

— В восемь позвонила Одри, пригласила на обед. Десять человек в «Эмбасси», тощица. Потом отправились всей компанией к даме по фамилии де Тромме.

— Знаю ее. Американка. С прошлого апреля никак не заплатит за набивные чехлы на стулья. У меня тоже выдался неудачный вечер: ни одной хорошей карты, — и в результате проиграла четыре фунта десять.

— Бедный мамчик.

— Я обедаю у Виолы Казм. А ты? Я не заказала дома обеда, ты уж извини.

— Пока нигде. Правда, всегда можно пойти к Брэтту.

— Это слишком дорого. Я думаю, если попросить Чэмберс, она тебе что-нибудь принесет. Я была уверена, что ты обедаешь в гостях.

— Что ж, может, так оно и выйдет. Еще нет и двенадцати.

(Бивер чаще всего получал приглашения в последнюю минуту, а то и позже, когда приступал в одиночестве к трапезе с подноса... «Джон, лапочка, тут вышла неувязка — Соня явилась без Реджи. Будь добр, выручи, пожалуйста. Только поторопись, мы уже садимся за стол». Тогда он опрометью кидался за такси и появлялся, рассыпаясь в извинениях, после первой перемены блюд... Одна из его немногих за последнее время ссор с матерью произошла, когда, получив такое приглашение, он удалился со званого обеда, бросив ее с гостями.)

— Куда поедешь на воскресенье?

— В Хеттон.

— А кто там живет? Я что-то не помню.

— Тони Ласт.

— Ах да, как же, как же. Она красotka, он зануда. Я и не знала, что ты с ними знаком.

— Ну, какое там знакомство. Тони пригласил меня вчера вечером у Брэтта. Он мог и забыть.

— А ты пошли телеграмму — напомни. Это лучше, чем звонить. Так труднее отвертеться. Пошли

телеграмму завтра, прямо перед отъездом. Они мне задолжали за стол.

— Что тебе о них известно?

— С ней я часто встречалась, пока она не вышла замуж. Она в девичестве — Бренда Рекс, дочь лорда Сент-Клауда, белокурая, этакая ундина на вид. По ней тогда многие с ума сходили. Одно время считалось, что она выйдет за Джозефа Грант-Мензиса. Тони Ласт ее не стоит, он сухарь. Ей пора бы и заскучать, так я полагаю. Они женаты лет пять-шесть. Состояние у них немалое, но все уходит на дом. Я его никогда не видела, но у меня такое впечатление, что он большой и неслыханно уродливый. У них по крайней мере один ребенок, а может, и больше.

— Мамчик, ты чудо. Ты все про всех знаешь.

— Это большое подспорье. Просто надо слушать, что говорят вокруг, только и всего.

Миссис Бивер выкурила сигарету и отбыла в лавку. Какая-то американка купила два стеганых лоскутных одеяла, по тридцать гиней каждое. Леди Метроленд справилась относительно потолка в ванной, незнакомый молодой человек заплатил наличными за подушку; в перерыве между этими делами миссис Бивер успела спуститься в подвал, где две павшие духом девицы упаковывали абажуры. В подвале стоял холод, стены его отсырели, несмотря на то что он обогревался печуркой. Девицы управляют хоть куда, с удовлетворением отметила миссис Бивер, особенно та, что покоренастей, она ворочает ящики — мужчины в пору.

— Так держать, Джойс, — сказала она, — у тебя неплохо получается. Я тебя скоро переведу на работу поинтереснее.

— Спасибо, миссис Бивер.

Будут торчать в упаковочной, покуда не взбунтуются, решила миссис Бивер. С такой внешностью делать наверху нечего. Обе девицы выложили немалые деньги за право обучаться у миссис Бивер.

А Бивер все торчал у телефона. Раздался звонок.

— Мистер Бивер? — услышал он. — Подождите, пожалуйста, у телефона, сэр. С вами хочет говорить леди Типпинг.

Наступившую паузу Бивер провел в приятном ожидании. Леди Типпинг давала сегодня обед, это он знал; вчера вечером они долго разговаривали, он был в ударе. Значит, в последнюю минуту кто-то подвел...

— Мистер Бивер, мне так неприятно вас беспокоить. Вы не могли бы сказать, как зовут молодого человека, вы его представили мне вчера вечером у мадам де Тромме? Того, с рыжеватыми усиками. Он, кажется, член парламента.

— Вы, очевидно, имеете в виду Джока Грант-Мензиса.

— Да-да, вы угадали. Вы, случайно, не знаете, где его можно найти?

— Его адрес есть в справочнике. Но вряд ли он сейчас дома. Его можно застать у Брэтта около часа. Он почти всегда там.

— Джок Грант-Мензис, Брэтт-клуб. Большое вам спасибо. Вы очень любезны. Надеюсь, вы как-

нибудь заглянете ко мне. Всего, всего вам хорошего.

Телефон замолчал.

В час Бивер отчаялся. Надел пальто, перчатки, котелок, взял аккуратно свернутый зонтик и отбыл в клуб, подъехав за пенни на автобусе до угла Бонд-стрит.

Впечатление старины, которое Брэтт-клуб производил благодаря изысканному георгианскому фасаду и прекрасной панельной обшивке комнат, было чистейшей воды подделкой, ибо клуб этот — вполне недавнего происхождения — возник вследствие эпидемии общительности, разразившейся сразу после войны. Предполагалось, что это будет клуб для молодых людей, где они могли бы греться, раскорячившись, у камина и колобродить в ломберной, не рискуя навлечь недовольство старших членов. Теперь основатели сами подошли к среднему возрасту, со времени демобилизации лица их побагровели, они обрюзгли, полысели, но жизнерадостности не утеряли и теперь приводили в трепет своих преемников, порицая их за отсутствие насущных для мужчины и джентльмена качеств.

Бар загораживали шесть широких спин. Бивер расположился в соседней комнате на кресле и стал перелистывать «Нью-Йоркер» в ожидании — не подвернется ли кто из знакомых.

Наверх поднялся Джок Грант-Мензис. Мужчины у стойки приветствовали его: «Джок, старик, что будешь пить?» — или попросту: «Так как, старик?» По молодости лет он не мог участвовать в войне, но мужчины у стойки его признавали; они

относились к нему куда лучше, чем к Биверу, которого, по их мнению, и вовсе не следовало принимать в клуб. Однако Джок остановился поболтать с Бивером.

— Привет, старик, — сказал он. — Что пьешь?

— Пока ничего. — Бивер посмотрел на часы. — Но, пожалуй, пора пропустить рюмочку. Бренди с лимонадом.

Джок подозвал бармена и сказал:

— Что за старушенцию ты подсунул мне вчера вечером?

— Ее зовут миссис Типпинг.

— Так я и думал. Все понятно. Мне внизу передали, что дама с такой фамилией приглашает меня на обед.

— Пойдешь?

— Нет, званые обеды не по моей части. И потом я еще утром решил поесть устриц здесь.

Бармен принес заказ:

— Мистер Бивер, сэр, по книге за вами числится за последний месяц должок в десять шиллингов.

— Спасибо, Макдугал, не забудьте при случае напомнить, идет?

— Слушаюсь, сэр.

Бивер сказал:

— Я завтра еду в Хеттон.

— Вот как? Передай привет Тони и Бренде.

— Какие там порядки?

— У них тихо и вполне славно.

— Интеллектуальными играми не увлекаются?

— Нет-нет, ничего подобного. Бридж, триктрак и покер по маленькой с соседями.

- А как насчет комфорта?
- Не так уж плохо. Выпивки полно. Ванных маловато. К завтраку вставать не обязательно.
- Я не знаком с Брендой.
- Бренда тебе понравится, она молодчина. Я часто думаю: какой счастливец Тони. Денег ему хватает, он любит Хеттон, у него один сын, которого он обожает, преданная жена — и никаких забот.
- Можно только позавидовать. Не знаешь, кто еще к ним едет, а? Я вот думаю, кто бы меня туда подбросил.
- Да нет, не знаю. Туда можно добраться поездом.
- Да, но на машине приятнее.
- И дешевле.
- Да, надо думать, и дешевле... Что ж, пойду пообедаю. Не хочешь еще по одной?
- Бивер уже встал.
- Пожалуй, не откажусь.
- Вот как, прекрасно. Макдугал! Еще по одной, пожалуйста.
- Макдугал сказал:
- Записать за вами, сэр?
- Да, сделайте одолжение.
- Позже Джок рассказывал в баре:
- А я выставил Бивера на рюмку коньяку.
- Вот уж, наверное, расстроился.
- Чуть не лопнул с досады. В чушках что-нибудь понимаете?
- Нет. А вам зачем?
- Да вот, округ мой засыпал запросами.

Бивер спустился вниз, но перед тем как пойти в столовую, велел швейцару позвонить домой и узнать, что нового.

— Несколько минут назад звонила леди Типпинг, спрашивала, не можете ли вы отобедать у нее сегодня.

— Позвоните, пожалуйста, леди Типпинг и передайте, что я почту за честь отобедать у нее, но, возможно, на несколько минут опоздаю.

Когда Бивер покинул Брэтт-клуб и быстрым шагом направился к Хилл-стрит, была уже половина второго.

2. АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА I

I

Между деревнями Хеттон и Комптон-Ласт раскинулся обширный парк Хеттонского аббатства. В прошлом одно из самых замечательных зданий графства, аббатство было полностью перестроено в 1864 году в готическом стиле и в настоящее время никакого интереса не представляет. Парк открыт для посетителей ежедневно до заката солнца, для осмотра дома требуется предварительно обратиться за разрешением в письменной форме. Имеются несколько хороших картин, мебель. Прекрасный вид с террасы.

Этот отрывок из местного путеводителя не слишком огорчал Тони Ласта. Ему доводилось слышать отзывы еще менее лестные. Его тетка Фрэнсис, озлобленная неукоснительной строгости воспитанием, заметила когда-то, что план дома не иначе как создан мистером Пексниффом¹ на основе чертежей сиротского приюта, творения одного из его учеников. Но каждый его глазированный

¹ Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», бездарный архитектор.

кирпич и расписной изразец был дорог сердцу Тони. Управлять таким домом нелегко, это он знал, но разве есть большие дома, которыми легко управлять? Дом не вполне отвечал современным представлениям о комфорте; но Тони наметил множество маленьких усовершенствований — он собирался их осуществить, едва выплатит налог на наследство. Однако сам вид и дух Хеттона — очертания зубчатых стен на фоне неба, главная часовая башня с курантами, которые каждые четверть часа не будили разве что самых крепких сонь; церковный мрак огромной залы с колоннами шлифованного гранита и обвитыми лозой капителями, поддерживавшими крестовые своды потолка, расписанного красными и золотыми ромбами, который днем не мог рассеять скудный свет, проникавший сквозь стрельчатые витражи в гербах, а вечером — огромная газовая люстра из меди и сварочного железа, где рожки заменили двадцатью электрическими лампочками; вихри горячего воздуха, вырывающиеся из допотопного нагревательного аппарата через чугунные решетки в форме трилистников и внезапно обжигают ноги; подвальный холод далеких коридоров, где в целях экономии кокса он приказал отключить отопление; трапезная с консольными балками кровли и хорами смолистой сосны; спальни с медными спинками кроватей, и в каждой фриз с готическим текстом, названные в честь Мэлори¹, Изольды,

¹ Томас *Мэлори* (ок. 1417–1471) — писатель и переводчик, автор «Смерти Артура», романа о рыцарях Круглого стола.

Элейны, Мордреда, Мерлина, Говейна и Бедивера, Ланселота, Персиваля, Тристрама, Галахада; его туалетная — фея Моргана, Брендина — Гвиневера¹, где кровать стоит на возвышении, стены увешаны гобеленами, камин походит на гробницу тринадцатого столетия, а из эркерного окна в ясные дни видны шпили шести церквей, — Тони вырос среди этих вещей, и они служили для него постоянным источником восторга и восхищения, будили в нем нежные воспоминания и горделивые чувства собственника.

Готика вышла из моды, это Тони понимал. Двадцать лет назад сходили с ума по средневековым домишкам и оловянной утвари, теперь пришел черед урн и колоннад, но настанет час, возможно в дни Джона Эндрю, когда общественное мнение вернет Хеттон на подобающее ему место. Его уже называли «занятым», и весьма учтивый молодой человек попросил разрешения сфотографировать его для архитектурного обозрения.

Потолок в фее Моргане нуждался в ремонте. Чтобы придать ему видимость кессона, на штукатурку крест-накрест набили фасонные перекладины. Они были расписаны сине-золотым орнаментом.

Клетки между ними заполняли тюдоровские розы, чередовавшиеся с геральдическими лилиями. Но один угол протек, и позолота там потемнела, а краска облупилась; в другом деревянные

¹ Герои цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

дранки покоробились и торчали из штукатурки. Десять минут, отделявших пробуждение от того момента, когда он протягивал руку к звонку, Тони пристально изучал эти изъяны, снова и снова обдумывая, как их устранить. И задавался вопросом, удастся ли ему найти мастеров, способных выполнить такую тонкую работу.

Фея Моргана стала его комнатой с тех пор, как он перешел из детской. Его поместили тут, потому что отсюда ему было удобно звать родителей (неразлучных в Гвиневере): он очень долго был подвержен ночным кошмарам. С тех пор как он поселился в этой комнате, он ничего не выбрасывал из нее и с каждым годом что-нибудь добавлял, так что тут образовался своего рода музей, где были представлены все периоды его развития — изображение дредноута, извергающего дым и пламя из всех пушек (цветное приложение к «Чамз»¹ в рамке), групповая фотография (с соучениками по частной школе), горка под названием «Хранилище», набитая плодами множества случайных увлечений: яйцами, окаменелостями, монетами; портрет родителей в кожаном складне, стоявший у его изголовья в школе; фотография Бренды восьмилетней давности, снятая в ту пору, когда он ухаживал за ней; Бренда с Джоном на руках после крещения; гравюра, изображавшая Хеттон до того, как его снес прадед Тони; несколько полок с книгами: «Бевис»², «Домашний плотник», «Фокусы для

¹ «Чамз» («Друзья-приятели») — детский иллюстрированный журнал, издававшийся с 1892 года.

² *Бевис* Гемптонский — герой цикла стихотворных романов XIII века, в XVII веке переделанных в народную книгу.

всех», «Малые гости»¹, «Что нужно знать о законах землевладельцу и арендатору», «Прощай, оружие!».

По всей Англии люди просыпались подавленные и озабоченные. Тони десять минут блаженствовал, прикидывая, как обновить потолок. Затем потянулся к звонку:

— Ее милость звонила?

— Да, сэръ, четверть часа назад.

— В таком случае я буду завтракать у нее в комнате.

Тони надел халат и шлепанцы и прошел в Гвиневру.

Бренда лежала на возвышении.

Она потребовала себе современную кровать. В изголовье стоял поднос, на одеяле валялись конверты, письма и газеты. Голова ее опиралась на крошечную голубую подушечку, ненакрашенное лицо казалось почти бесцветным, перламутрово-розовым, лишь чуть более насыщенного оттенка, чем шея и руки.

— Ну как? — сказал Тони.

— Целуй.

Он сел рядом с подносом, она наклонилась к нему (нереида, выныривающая из бездонной глубины прозрачных вод). Не подставила губы, а потерлась

¹ Книга, написанная девятилетней девочкой Дейзи Эшфорд, о приключениях престарелого мистера Солтины и его молодой воспитанницы Этель Монтикью, изданная известным английским писателем Джеймсом М. Барри с сохранением всех особенностей и ошибок подлинника.

щекой о его щеку, как кошка. Такая у нее была манера.

— Что-нибудь интересное?

Он взял несколько писем.

— Ничего. Мама просит няню прислать мерку Джона. Она ему что-то вяжет к Рождеству. Мэр просит меня что-то там открыть в следующем месяце. Можно, я не буду, ну пожалуйста?

— Нет, по-видимому, придется согласиться: мы давно ничего для него не делали.

— Ладно, только речь напишешь сам. Я уже состарилась для той девической, которая у меня была на все случаи жизни. Еще Анджела спрашивает: может, мы приедем на Новый год?

— Тут ответить просто. Ни за что на свете.

— Я так и думала... хотя, похоже, у нее будет забавно.

— Если хочешь, поезжай. А я никак не смогу вырваться.

— Да ладно. Я знала, что ты откажешь, еще до того как вскрыла письмо.

— Не понимаю, что за радость тащиться в Йоркшир посреди зимы...

— Милый, не злись. Все ясно, мы не едем. Я молчу. Просто мне казалось, что было бы занятно для разнообразия посидеть на чужих хлебах.

Горничная Бренды принесла второй поднос. Тони велел поставить его на подоконник и стал вскрывать письма. Он выглянул в окно. В это утро были видны лишь четыре шпиля из шести.

— Кстати, в этот уик-энд я, наверное, *смогу* вырваться, — вдруг сказал он.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Du côté de chez Beaver	7
2. Английская готика I	17
3. И Тони пришлось туго	89
4. Английская готика II	178
5. В поисках града	218
6. Du côté de chez Todd	291
7. Английская готика III	310